

Аманова Г. А.

Лінгвістичний центр «Призма» (м. Москва, Росія)

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕВОДОВ АННЫ АХМАТОВОЙ ИЗ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

Статья посвящена переводам Анны Ахматовой из классической татарской поэзии. Произведения выдающегося татарского поэта Габдуллы Тукая были впервые ею представлены русскоязычному читателю. Ахматова стремилась максимально сохранить жанровые признаки стихотворений, национальный колорит и индивидуальный стиль поэта.

Ключевые слова: поэзия, татарская, классическая, перевод, Габдулла Тукай, Анна Ахматова.

Постановка проблемы. Проблема переводов из восточной поэзии сегодня особенно актуальна в связи с углублением культурных связей и расширением литературных взаимовлияний. Автор статьи ставит задачу показать вклад Анны Ахматовой в становление русскоязычной переводческой школы, продемонстрировать новаторство и особенности ее переводческого стиля. Переводы Ахматовой признаны образцовыми и могут служить практическим материалом для молодых переводчиков, занимающихся восточной поэзией. Именно ее переводы показывают пути превращения иноязычного текста в поэзию, доступную для читателя, воспитанному на образцах западноевропейской и русской литературы.

Анализ последних публикаций. Исследования творчества Ахматовой в основном сосредоточены на изучении и популяризации ее поэзии. Ахматоведы обходят стороной ее переводы, а это существенно сужает творческий диапазон А. Ахматовой. Нерешенной остается проблема влияния переводов на собственное творчество Ахматовой, хотя известно, что некоторые ее произведения написаны под их безусловным влиянием. Информацию о переводческой деятельности Ахматовой, особенно из восточной поэзии, в основном можно встретить в работах С. И. Кормилова и Г. А. Амановой.

Автор статьи ставит своей **целью** продемонстрировать мастерство Ахматовой как переводчицы на примере переводов из татарской поэзии, а именно Габдуллы Тукая.

Габдулла Мухаммедгарифович Тукаев (1886-1913) – татарский народный поэт и публицист, происходил из консервативно-религиозной семьи (дед – мулла, отец – «указной» мулла в с. Кушлавич возле Казани). Габдулла в четырехлетнем возрасте

остался круглым сиротой. Детство и юность провел у родных в Пермской губернии. Тукай учился в знаменитом медресе «Мутыгия» в Казани. Философия ислама оказала сильнейшее воздействие на становление личности и мировоззрение поэта. В 1902 году, ещё будучи подростком, он начал писать. Его художественный мир представляет собой синтез традиций Востока и Запада. В нем заметно влияние тюркской, арабо-персидской литературы, связанное в основном с творчеством Фирдоуси, Хафиза, Саади, Навои, а с другой стороны, европейской и русской культуры, особенно поэзии Пушкина и Лермонтова.

Ахматова перевела шесть стихотворений Тукая по подстрочным переводам и, возможно, частично при участии Н. И. Харджиева – одиннадцать.

Большая часть стихов Тукая написана в форме газели – двестиший-бейтов с особой формой рифмовки (*aa ba va ga da...*). Но, в отличие от традиционных любовных газелей, Тукай, сохраняя лишь их формальные принципы, пишет как собственно лирические произведения, так и стихотворения, пронизанные просветительскими идеями, гражданской тематики. Некоторые произведения пронизаны религиозными образами, как, например, «Колесания и сомнения» («Тэрэддөд вә шөбһә»):

Аптырыйм: юк изге эш ятканда да, торганда да;
Эш кушарга каршыма һәр дәмдә
шайтаным килә.

Ни с утра не вижу (благое) дела,
ни в вечерней тишине,
С указанием, что мне делать,
лишь **злой дух** идет ко мне.
(608)

Жырлымын, ләкин жырымнан файда
бармы халкыма?
Бер **мәләктән** яки **шәйтанның**

илһамым килә?
В песне есть ли толк народу,
не пойму я никогда.
Кто? **Шайтан** иль **ангел** света
с песнями идет сюда?
(609)

Мин сизәм: дөнья йөзе **дүзэх**,
жәһәннәмдер миңа;
Бер шигыр язсам гына,
жәннәт вә ризваным килә.

Все несносно мне,
и в сердце ощущаю **ада зной**.
Лишь когда стихи слагаю,
райский страж идет за мной.
(609)

Реди́ф оригинала (повторяется слово «килә», рифмуются предпоследние слова четных строк) в переводе не сохранен, Ахматова здесь все строки рифмует попарно, не как в газели. Но в раннем варианте перевода была рифмовка, как в газели, с реди́фом (после первого двустуши́я на конце четных стихов повторяется слово идет, а последнее слово нечетного стиха рифмуется с предпоследним словом четного: *тишине* – ко мне идет, *взглянуть* – путь идет и т.д. [1, с. 970].

Стихотворения Тукая написаны на старотатарском языке, арабской графикой, поэтому некоторые образы и лексика требуют комментариев для читателя, который, владея татарским, все же затруднится понять их смысл. Например, название стихотворения «Колебания и сомнения» *Тәрәддөд вә шөбһә* в современном татарском звучит как *икеләнү һәм шикләнү*, «каждый раз» *Һәр дәмдә* сейчас передается словами *һәр сулуда* или *һәр мәлдә*, «словно говоря» *санки* в современном виде встречается как *әйтерсең лә* или *гуя*, слово «сад» *багъ*, *бостан* в настоящее время больше используется как *бакча*.

Ахматова в одном только случае при переводе заменила слово «чёрт» (шайтан) на «злой дух», но остальные образы близки к оригиналу: «ангел» (мәләк), «дүзэх» (ад), «страж рая» (ризван).

В «Разбитой надежде» Ахматова сохранила строфическое деление, присущее газели, но без рифмовки. В этом исследовательница поэзии Тукая Э. Ф. Нагуманова увидела принципиальный отход от жанровой формы газели. Она пишет: «Стихотворение передано в традициях силлаботонического стихосложения, перевод осуществлен 7-стопным хореем, который в принципе по

ритмическому строению близок к излюбленному метру Тукая рамалю. В переводе отдельных бейтов сохранено даже количество гласных звуков. А. Ахматова, благодаря особой напевной интонации, смогла передать трогательно-сентиментальное отношение татарского поэта к своей матери, однако в переводах некоторых бейтов традиционная напевность тюркского стиха не передана» [2].

Вместе с тем об этом же переводе Ахматовой поэт и знаток восточного стихосложения С. И. Липкин с одобрением писал: «"Разбитая надежда" Г. Тукая впервые зазвучала по-русски лишь тогда, когда Ахматова, взявшись переводить ее, освободила перевод от элементов газельной формы, которая сковывает русскую речь» [3].

Возьмем такой пример из «Разбитой надежды».

Куз карашымда хәзер үзгәрде эшьялар төсе;
Сизлә: үтте яшь вакытлар,
житте гомрем яртысы.

Подстрочник:

Сейчас поменялся взгляд на разные вещи;
Скажи: ушли молодые годы, достиг половины жизни.

Ахматова:

Я теперь цвета предметов
по-иному видеть стал.
Где ты, жизни половина?
Юности цветок увял.
(609)

Ахматова придает стихотворению возвышенный тон путем добавления слов «Юности цветок увял», которых нет в оригинале. Конечно, «Юности цветок увял» выразительнее, чем «достиг половины жизни», и звучит «по-восточному», характерно для газелей.

Другой пример.

Ниндидәртберләнкаләмсызсамдакәгазьөстенә,
Очмый әүвәлге жүлә, саф, яшь мэхәббәт чаткысы.

Подстрочник:

С какой бы болью ни писал
(ни чертил бы) по бумаге,
Не открыть (безрассудность) прошлых лет,
чистую искру молодой любви.

Ахматова:

И с каким бы я порывом
ни водил пером теперь,
Искры страсти не сверкают
и **душа не зажжена.**
(609)

Любовная страсть предстает не только как
свойственная юности.

И мөкаддәс моңлы сазым!
Уйнадың син ник бик аз?
Син сынасың, мин сүнәмен,
айрылабыз ахрысы!

Подстрочник:

Дорогой грустный саз!
Отчего играл ты так мало?
Ты **сломаешься**, я погасну, наверно,
расстанемся в конце концов!

Ахматова:

Саз мой **нежный** и печальный,
слишком мало ты звучал.
Гасну я, и ты **стареешь**...
Как расстаться мне с тобой?
(610)

Здесь Ахматова словно опровергает Тукая:
для нее невозможно расстаться с «музыкальным
инструментом», то есть с поэзией, «песнями».

Очты дөнья читлегеннән
тарсынып күңлем кошы,
Шат яратса да, жиһанга ят яраткан **Раббысы.**

Подстрочник:

Вылетела веселая птица из узкой клетки мира,
Хоть и создал ее веселой,
но создал Всевышний миру чужой.

Ахматова:

В клетке мира было тесно птице сердца моего;
Создал бог ее веселой, но мирской
тщете чужой.
(610)

Расшифровано иносказание: поэт говорит о
птице, имея в виду свою поэтическую душу. От
формы газели Ахматова и тут отступила: первое

и последнее двустопных зарифмованы одинаково,
а остальные образуют недорифмованные четверо-
стишия *абвб*.

«Разбитая надежда» уже была переведена
П. Радимовым в 1920 г. и вышла в сборнике под
одноименным названием. Переводчик перевел его
также 8-стопным хореем:

Нынче у меня в очах переменялся цвет вещей.
Видно, юность пронеслась и полжизни,
знать, за мной.

Если в небо этой жизни взор
вперяю и смотрю, -

Гаснет месяц на ущербе,
серб не светит золотой.

Сколько-б строк ни написал я,
как бумагу ни чертил,

Не сверкнет любовь оттуда
искрой чистой молодой.

Муза светлая, святая! Мало пела ты зачем?

Ты уходишь, гаснут песни,
расстаемся мы с тобой.

Птица сердца улетает, клетка мира ей тесна,

Радостной она явилась,
но для мира не родной.

Как-бы я ни пел в печали
в заповедных деревьях,

Все деревья те посохли, ни единого с листвою.
О, возлюбленная сердца!

даже ты не стала мне

Лучезарною улыбкой, осветившей
путь земной.

О, моя родная мама! со слезами на глазах

В мир меня ты породила, но для мира
я чужой,

И с тех пор, как целовала ты меня

в последний раз,

От дверей любви отвергнут был
я черствою судьбой.

На твоей могиле камень всех сердец

людских теплей,

Здесь я плачу самой горькой,

самой сладкою слезой.

[4, с. 15]

П. Радимов не полностью использовал форму
газели, нет парной рифмы в начале стихотво-
рения. Первый стих не цезурован (а обычно он
призван задавать ритмическую инерцию). Глагол
«знать» выглядит слишком явным «русизмом».
В нем встречается редкая ритмическая форма в
стихе «Радостной она явилась...».

В некоторых стихотворениях Ахматова не
переводит отдельные слова и названия в ориги-

нале, например:

Бер тавыш килде колакка,
янгырады бер заман:
«Тор, шәкерг! Життек Казанга,
алдыбызда бит Казан».

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий,
молодой:
«Эй! шагирд, вставай скорее!
Вот Казань ведь перед тобой!»
(606)

Шагирд – это ученик медресе.
При перечислении имен одно
может быть пропущено.

Оригинал:
Монда бар да ят миңа: бу Миңгали,
Бикмулла кем?
Бикмөхәммәт, Биктимер –
берсен дә белмим, әллә кем!

В переводе Ахматовой не упоминается
Бикмухаммет:

Здесь чужие все: кто эти: Мингали
и Бикмулла,
Биктимир? Кому известны их поступки
и дела?
(606)

Интересна в переводах бывает
нюансировка тропов.

Әйтә иртәнге **намазга** бик матур, моңлы азан;
И Казан! дәртле Казан! моңлы Казан! нурлы
Казан!

Подстрочник:

Совет на утренний намаз очень красивый,
мелодичный азан:
Казань! Бодрая Казань! грустная Казань!
светлая Казань!

азан – призыв муэдзина на молитву

Перевод Ахматовой:

Слышу я: призыв к **намазу** будит
утреннюю рань.
О Казань, ты грусть и бодрость!
Светозарная Казань!

В оригинале утро олицетворено, как и город, к которому это прекрасное утро обращается. В переводе «призыв к намазу» исходит от человека (то есть муэдзина), но Казань также олицетворена. Ее название звучит всего два раза вместо четырех (для восточной поэзии повторы более естественны, чем для русской XX века), зато эпитет «светлая» заменен более торжественным «светозарная».

В стихотворении «Осень» («Көз») Ахматова мастерски передала сравнения, которые были в оригинале, например: «килер ак тунлы кыш та» – дословно «придет в белой шубе и зима»; в переводе – «Придет и зима, пышной шубой бела»; «Мисале зәгъфыран саргайды урман» – дословно «шафраном пожелтел лес»; у Ахматовой – «Леса уже стали желты, как шафран»; «Такыр калды татар башы кеби кыр» – дословно: «как голова татарина голы поля»; у Ахматовой – «Как темя татарина, голы поля».

В стихотворении «Родной земле» («Туган жиремә») Ахматова к названиям предметов одежды добавила слово «сума»:

Һәр фосулы әрбәгаң:
язың, көзең, жәй, кыш көнең;
Барча, барча ак оек, киндер, чабата,
ыштырың!

Дословно в стихотворении «Родной земле»:

Четыре времени года: летние, осенние,
летние, зимние дни,
Все, все в белых носках холщевых,
лаптях, портянках!

То есть на родине поэту дорого всё,
даже бедность. Перевод Ахматовой
доводит бедность до нищенской суммы:

И весна твоя, и осень, лето знойное, зима,
Белые чулки да лапти, да онучи, да **сума**.
(607)

Прямой вывод – в конце: «Любо мне и то, что плохо, даже то, чем ты бедна».

В стихотворении «Надежда» («Өмид») Ахматова добавляет возвышенной лексики:

И минем яктыртучым! тик син миңа
һәр жирдә шәм;
Нәрсә ул дөнья кояшы! син миңа нур

бирмәсән!
Дословно:

О мой светильник!
Только ты везде светишь, свеча;
Зачем мне свет солнца!
если ты мне свет не дашь!

Перевод Ахматовой:

Мой светильник **несравненный,**
драгоценная свеча!
Что мне светочи вселенной,
если ты не дашь луча?!
(607)

Позднее стихотворение «В саду знаний» («Голүмең бакчасында») еще раз убеждает нас в том, что перевод Ахматовой значительно обогатил оригинальные тексты:

Татарларның бөеклеге, даны сигез кат
күкләргә китсен;
Мәңге, һәрвакыт бу милләтне
ходаем бәхетле итсен.

Элек йоклап үткәргәнбезне
аңлыйк та үкеник;
Прогресс һәм күтәрелеш
юлларына атлап үтик.

Безне дәүләтләр хайван санамасыннар дип,
Кыю һәм батыр рәвештә алга хәрәкәт итик.

Дословно:

Чтоб татар величье, приумножившись,
вознеслось до восьмого неба,
Вечно, навсегда этому народу было счастье.

Будем сожалеть о том, что спали раньше;
Давайте перешагнем на путь прогресса и
подъема,

Чтобы [другие] страны не считали
нас животными.
Смело и как батыры давайте двигаться вперед.

Перевод Ахматовой вопреки советским установкам (Тукая «подтягивали» чуть ли не до «пролетарского поэта») добавляет отсутствующего в оригинале бога, пусть и «грозного», но способного осчастливить просветившихся татар.

Чтоб народа светлый разум
до восьмого неба мог
Вознестись и нас навеки осчастливил
грозный бог?!

Будем каяться, татары!
Долгий сон прервется пусть.
Мы должны вступить, о братья,
на прогресса мудрый путь.

В список диких и отсталых
пусть никто нас не внесет,
Мы в порыве благородном
будем двигаться вперед.
(610)

Сравнение «как батыры» опущено, в данном случае национальный колорит ослаблен (ведь и бог не назван Аллахом), потому что речь идет о приобщении татар к общечеловеческому прогрессу.

Тырышып, **журналларның**
төрләрен күбәйтә башлыйк;
Кирелек, наданлык гаскәрен жиңеп,
сындырып ташлыйк.

Дословно:
Будем стараться, увеличивать
ассортимент **журналов**;
Неуступчивости [упрямства],
безграмотности [невежества] армию победим,
давайте ломаем.

Перевод Ахматовой заменяет журналы на книги, добавляет метафору «светлой силой» (то есть просвещением), а абстрактную метафорическую гиперболу «армия» заменяет на «слепую рать», усиливая разоблачение невежества (здесь важен и архаизм «рать»):

Мы, усилъя умножая, будем **книги** выпускать.
Побеждая светлой силой темноты слепую рать.
(611)

В стихотворении «О перо» есть такие строки:

Без әсирләрене, ялкауларны да зур эшкә этәр;
Милләткә мәрхәмәт ит, – зинһар, хурлыкка
калдырма.
Европаны күтәрәп син югары күкләргә кадәр,
Ник төшердең безне – жиде кат жир астына
кадәр?

Подстрочник:
Нас, и пленников [невежества],
и ленивых, подтолкни к хорошим делам;
Прояви милосердие к нации, пожалуйста,

не позорь.
Ты поднимаешь Европу
до самых высоких небес,
Почему ты нас опустило
до семи этажей под землей?

Перевод Ахматовой:
Нас, в невежестве погрязших, нас,
лентяев с давних пор,
Поведи к разумной цели –
тяжек долгий наш позор!

Ты возвысило Европу
до небесной высоты,
Отчего же нас, злосчастных,
уронило низко ты?
таланта.

(611)

Перу, то есть письменности, придается определяющая сила в мире. Но антитеза «Европа – мы» ослаблена: вместо «до семи этажей под землей» (для татар это «предел») – просто «уронило низко». Фактически учитывается, что в советское время татары уже значительно просветились. Ахматова не хочет слишком принижать своих современников даже в прошлом.

Выводы. Ахматова своими переводами из поэзии Габдуллы Тукая продемонстрировала приемы, способствующие сохранению жанровых признаков оригинала, индивидуальную стилистику татарского поэта и собственно колорит восточной поэзии. Замечательная переводчица не стремилась к буквализму брюсовского типа, но нередко даже к произведениям талантливых поэтов добавляла и частицу своего собственного таланта.

Список литературы:

1. Анна Ахматова. Собрание сочинений. Том 8. Дополнительный. Переводы 1950 – 1960-е годы. Москва. Эллис Лак 2000. 2005. Составление, комментарии, статья Н.В. Королевой.
2. Нагуманова Э.Ф. Жанровые трансформации в переводах стихотворений Г. Тукая на русский язык. <http://docplayer.ru/54779386-Zhanrovye-transformacii-v-perevodah-stihotvoreniy-g-tukaya-na-russkiy-yazyk-e-f-nagumanova-kazan-rossiya.html>
3. Журнал «Совет эдэбияты». Казань, 1961. №4.
4. Абдулла Тукай. УЗЮЛЬГАН УМИД (Разбитая надежда). Избранные стихотворения в переводе П. Радимова. Казань 1920.

Аманова Г. А. СТИЛІСТИЧНА СВОЄРІДНІСТЬ ПЕРЕКЛАДІВ АННИ АХМАТОВОЇ З ГАБДУЛЛИ ТУКАЯ

Стаття присвячена перекладам Анни Ахматової з класичної татарської поезії. Твори видатного татарського поета Габдулли Тукая вперше нею представлені російськомовному читачеві. Ахматова прагнула максимально зберегти жанрові ознаки творів, національний колорит і індивідуальний стиль поета.

Ключові слова: поезія, татарська, класична, переклад, Габдулла Тукай, Анна Ахматова.

Amanova G. A. STYLISTIC ORIGINALITY OF TRANSLATIONS OF ANNA AKHMATOVA FROM GABDULLA TUKAY

The article is devoted to translations of Anna Akhmatova from classical Tatar poetry. The works of the prominent Tatar poet Gabdulla Tukay were first presented to the Russian-speaking reader by her. Akhmatova